

Перес-Артуро
Реверте

Морская карта – не просто навигационное пособие, необходимое для того, чтобы попасть из одной точки в другую; морская карта – это и гравюра, и страница истории, а иногда – и приключенческий роман.

Жак Дюплюэ. «Моряк»

Вглядимся в эту ночь. Она почти совершенна, Полярная звезда сияет на своем месте – на воображаемой прямой, проведенной через Мерак и Дубхе, бету и альфу Большой Медведицы, в точке, которую получаешь, пять раз отложив направо расстояние между ними. Полярная звезда будет пребывать здесь еще двадцать тысяч лет; увидев ее там, наверху, утешится каждый путник, ибо хорошо, что есть нечто неизменное, когда надо прокладывать курс и по морской карте, и по окутанному туманом ландшафту жизни. Если еще некоторое время посмотрим на звезды, мы легко обнаружим Орион, потом – Персея и Плеяды. Это совсем нетрудно, поскольку ночь очень ясная, на небе ни облачка, и даже ветра нет. Зюйд-вест улегся на закате, и гавань – как черное зеркало, в

котором отражаются огни портовых кранов, освещенных замков, стоящих высоко над морем, и проблески – слева зеленый, справа красный – маяков Сан-Педро и Навидад.

А теперь подойдем поближе к тому человеку. Опираясь на парапет, он стоит неподвижно. Смотрит в небо, тьма которого к востоку заметно густеет, и думает, что утром снова задует левантинiec и снова поднимется волна. При этом кажется, будто он как-то странно улыбается, и если предположить, что кто-нибудь сейчас видит его лицо, освещенное снизу огнями порта, он, несомненно, говорит себе: можно улыбаться и получше – не так горько, не так безнадежно. Но мы-то знаем, в чем причина. Знаем, что последние недели в море, в нескольких милях отсюда, ветер и волна играли жизнью этого человека. А теперь все это уже не имеет никакого значения.

Не будем упускать его из виду – ведь именно его историю мы начинаем рассказывать. Посмотрев вместе с ним на порт, мы различим огни корабля, который медленно отходит от причала. Из-за дальности расстояния, из-за доносящихся сюда звуков города мы с трудом различаем приглушенный шум судовых машин и плеск вспененной винтами воды, но догадываемся, что в эти минуты команда укладывает в бухты последние метры только что отданных швартовых. Глядя на корабль с высокой горы, этот человек чувствует две разные боли: одна – там, где солнечное

сплетение, она сделана из той же горькой тоски, что гримаса, которая похожа – мы скоро убедимся, что всего лишь похожа, – на улыбку. Но есть и другая боль, определеннее и острее – она исходит справа: там мокрым холодом прилипла к боку рубашка, оттуда каплями по бедру, пропитывая ткань брюк, сочится кровь, выталкиваемая каждым сокращением сердца.

К счастью, думает он, сегодня мое сердце бьется очень медленно.

I. ЛОТ № 307

Я избороздил в долгих плаваниях океаны и библиотеки.

Герман Мелвилл. «Моби Дик»¹

Мы могли бы назвать его Измаилом, однако на самом деле его звали Кой. Я узнал его в предпоследнем акте этой истории, когда он уже вот-вот должен был потерпеть кораблекрушение и плыть по волнам, подобно многим другим, на гробу, превращенном в спасательный буй, а китобойное судно по имени «Рахиль» тем временем ищет своих детей и не может утешиться, ибо нет их. Кой уже некоторое время лежал в дрейфе, когда решил заглянуть на аукцион «Клеймор», просто чтобы убить время. В кармане у него было совсем немного денег, а в номере пансиона неподалеку от Рамблас – несколько книг, секстант и диплом первого помощника, на который Главное управление торгового флота наложило запрет сроком на два года, и случилось это четыре месяца назад, после того, как сухогруз «Исла Негра» водоизмещением сорок тысяч тонн сел на мель в

---

¹Перевод И.М. Бернштейн. – Здесь и далее прим. перев.

Индийском океане в 4 часа 20 минут, то есть когда вахту нес Кой.

Кою нравились аукционы, на которых продавались вещи, связанные с морем, хоть он и не мог участвовать в торгах. Но «Клеймор», расположенный во втором этаже здания на Консел-де-Сент, притягивал его и тем, что там работал кондиционер, а после аукциона обносили шампанским, и клиентов обихаживала длинноногая девушка с приятной улыбкой. Что же до выставленных на аукцион предметов – он любил рассматривать их, представлять себе их судьбу, воображать, какие пришлось им перенести штормы до того, как они оказались выброшенными на этот последний берег. Засунув руки в карманы тужурки из темно-синего сукна, он весь аукцион внимательно следил, кто купит те предметы, которые особенно пришлись ему по душе. И часто бывал разочарован: например, великолепный водолазный скафандр с вмятинами и славными шрамами – он вызывал мысли о затонувших судах, подводных отмелях, о фильмах Жана Негулеско с гигантскими кальмарами и Софи Лорен, выходящей из воды в облепившей ее скульптурные формы рубашке, – покупал какой-нибудь антиквар, совершенно бестрепетно поднявший картонку с номером. А морской компас фирмы «Браун-энд-сан», старинный, в сохранившемся корпусе и прекрасно работающий, за который Кой душу бы продал, когда учился в мореходке, ушел за предлагаемую цену какому-то

типу, явно не имеющему ни малейшего понятия о море; наверняка он выставит компас в витрине своего роскошного спортивного магазина, где его купят за сумму в десять раз большую.

На сей раз аукционист пристукнул молотком лот номер 306 – некогда принадлежавший Итальянскому королевскому флоту хронометр «Улисс Нардин», который тоже ушел по первоначальной цене, – и заглянул в свои записи, придерживая очки указательным пальцем. Манеры у него были мягкие, вкрадчивые, хотя галстук, повязанный под воротничком рубашки цвета само, казался все-таки вызывающим. Между лотами аукционист мелкими глотками отхлебывал воду из стакана.

– Следующий лот – «Морской атлас побережья Испании» Уррутии Сальседо. Номер триста семь.

Это объявление он сопроводил почти незаметной улыбкой, которая – Кой понял это, наблюдая за аукционистом, – приберегалась для тех лотов, чью ценность он хотел подчеркнуть.

– Жемчужина картографии XVIII века, – добавил он после соответствующей паузы, особо выделив «жемчужину», точно по-настоящему страдал, расставаясь с нею. Помощник, молодой парень в синем халате, немного приподнял том ин-фолио, чтобы его увидели в зале, и Кой грустно поглядел на атлас. В каталоге «Клеймора» сообщалось, что купить его не так-то просто, потому что бóльшая часть экземпляров находится в музеях и библиотеках. Этот экземпляр прекрасно сохранился;

скорее всего, в море бывать ему не приходилось, иначе влажность, карандашные отметки и работа с картами обязательно оставили бы свои неустрашимые следы.

Аукционист объявил начальную цену – таких денег Кою хватило бы прожить полгода, почти ни в чем себе не отказывая. В первом ряду широкоплечий мужчина с большим лбом и длинными седыми волосами, собранными в хвостик, – мобильный телефон этого человека звонил уже трижды, к возмущению публики, – поднял картонку с номером 11; взметнулись и другие картонки, и аукционист, высоко держа свой деревянный молоточек, внимательно следил за предложениями и подчеркнуто вежливо повторял их вслух, умело провоцируя дальнейший подъем цены. Заявленная цена увеличилась вдвое, и большинство желавших приобрести атлас сошли с дистанции. Борьбу вели только четверо: крепкий мужчина с седым хвостиком, худой бородач, женщина – Кой видел только половину ее светловолосой головы и руку с картонкой – и прекрасно одетый лысый господин. Когда женщина удвоила предложенную цену, тип с хвостиком рассерженно повернулся к ней, и Кой заметил его зеленоватые глаза, агрессивный профиль, большой нос и высокомерный подбородок. На пальцах, державших картонку с номером, сияло несколько золотых колец. Такой человек вряд ли стерпит, чтобы у него перебивали понравившуюся вещь. Он резко повернулся направо, к молодой, сильно накрашенной брю-

нетке, которая прежде отвечала тихим шепотом на звонки: вот ей-то теперь и пришлось испытать на себе все последствия плохого настроения босса – он вполголоса что-то раздраженно выговаривал ей.

– Будут еще предложения?

Тип с седым хвостиком поднял руку, светло-волосая женщина тоже подняла картонку – ее номер был 74. Зал напряженно застыл. Худой бородач предпочел устраниваться, а после двух следующих повышений цены засомневался и хорошо одетый лысый господин. Тип с хвостиком поднял цену, снова зазвонил его мобильник, и все в зале нахмурились; секретарша передала ему телефон, он плечом прижал его к уху, одновременно поднимая картонку с номером, чтобы ответить на новое предложение, только что сделанное светло-волосой женщиной. В эту минуту весь зал болел за блондинку: все хотели, чтобы у типа с хвостиком кончились деньги или сел аккумулятор в телефоне. Уррутия в три раза превзошел заявленную сначала цену, и Кой обменялся веселым взглядом со своим соседом, маленьким смуглым человечком с густыми темными усами и гладко зачесанными назад набриолиненными волосами. Тот ответил на взгляд Коя вежливой улыбкой. Человечек стоял, сцепив руки на животе, и безмятежно крутил большими пальцами. Ростом он был мал, аккуратно, почти кокетливо одет, с галстуком-бабочкой в красный горошек и в пиджаке, являвшем собой помесь пиджака а la принц Уэльский и шотланд-

ского тартана, что придавало его владельцу чертовски британский вид – словно у турка, одетого от «Берберриз». Глаза его, немного навывкате, смотрели меланхолично и ласково, как у лягушек из детских книжек.

– Кто предложит больше?

Аукционист держал молоточек высоко, его вопросительный взгляд впился в типа с хвостиком, а тот уже отдал мобильный телефон секретарше и сердито смотрел на аукциониста. Его последнее предложение, ровно в три раза превышавшее исходную цену, перекрыла светловолосая женщина, чье лицо Кой, как ни старался, рассмотреть не мог. И было трудно определить, что именно так раздражает типа с хвостиком – слишком высокая цена или же компетентность и профессионализм, воплощенные в этой женщине.

– Дамы и господа, кто предложит больше? – очень спокойно спросил аукционист. Он обращался к типу с хвостиком, но ответа не получил. Все, кто был в зале, в напряженном ожидании смотрели в том же направлении, что и аукционист. Кой тоже. – Значит, атлас уходит по этой цене, видимо, она окончательная. Раз... Два...

Мужчина с хвостиком вскинул руку с картонкой так резко, словно держал в ней кинжал. По залу прошелестел шепот, а Кой опять постарался разглядеть женщину. Картонка с ее номером тоже взметнулась вверх – блондинка перекрывала цену, предложенную конкурентом. Публика

напряженно следила за поединком, словно речь шла о сражении не на жизнь, а на смерть, и за две минуты последовала быстрая серия ударов: еще не успевал опустить свою картонку номер 11, а вверх уже взлетал номер 74. Такой темп оказался чрезмерным даже для аукциониста, который дважды делал паузу и отхлебывал воду из стакана, стоявшего у него на пюпитре.

– Будут еще предложения?

К тому времени, когда атлас Уррутии стоил в пять раз больше, чем в начале торгов, номер 11 совершил ошибку. Может, не выдержали нервы, хотя, возможно, ошибку допустила его секретарша, когда в самый критический момент передала шефу вновь зазвонивший телефон: аукционист поднял молоточек, ожидая следующего предложения, а тип с хвостиком потерял темп, словно обдумывал, стоит ли продолжать. Ошибку, если она, конечно, была, можно бы приписать и самому аукционисту, который, вероятно, поторопился истолковать резкое движение номера 11 как знак досады и отказа от дальнейшей борьбы. Впрочем, может, никакой ошибки не было, поскольку и аукционисты, как прочие смертные, имеют свои пристрастия и предубеждения, и вполне вероятно, что этому аукционисту номер 74 был симпатичнее. Как бы то ни было, через три секунды молоточек стукнул по пюпитру, атлас Уррутии остался за светловолосой женщиной, лица которой Кою так и не удалось увидеть.

Лот № 307 был одним из последних, и сессия завершилась без новых вспышек эмоций или инцидентов; человек с седым хвостиком больше в торгах не участвовал – еще до конца аукциона он встал и вышел под перестук каблуков секретарши; правда, уходя, бросил бешеный взгляд на блондинку. Она тоже больше ни разу не подняла свой номер. Худой бородач удовольствовался весьма недурной на вид подзорной трубой, а суровый господин с грязными ногтями, сидевший прямо перед Коем, приобрел за цену, лишь немногим превышавшую начальную, модель корабля «Сан-Хуан Непомусено» длиной больше метра и в достаточно хорошем состоянии. Последний лот – набор старых морских карт Британского адмиралтейства – покупать никто не захотел. Аукционист объявил сессию закрытой, все поднялись и перешли в небольшой зал, где фирма «Клеймор» подносила клиентам по бокалу шампанского.

Кой поискал взглядом светловолосую женщину. При иных обстоятельствах он бы уделил больше внимания молоденькой девушке, которая направлялась к нему с подносом, уставленным бокалами. Девушка помнила его по предыдущим аукционам и, хотя знала, что он никогда не участвует в торгах, была явно к нему равнодушна, несмотря на его потертые вылинявшие джинсы и белые теннисные туфли, несколько странно дополнявшие тужурку темно-синего сукна с двумя рядами пуговиц, теперь уже скромных, из черной пластмассы: раньше на их месте сияли золотом